

Сергей Будылин

Ложь в суде: Англия и Америка

Тезисы к круглому столу «М-Логос» (декабрь 2016 г.)

Говоря языком экономического анализа права, рациональный российский юрист, несомненно, может и должен врать в российском суде. Именно такое поведение максимизирует полезность как клиента юриста (выигрыш дела), так и самого юриста (гонорар). При этом вероятность попасть под какие-либо санкции незначительна.

Однако с точки зрения социальной полезности, то есть суммарной полезности всех членов общества, картина иная. Безнаказанная ложь в суде оказывает разрушительное воздействие на эффективность системы разрешения споров, а, значит, и на совокупную общественную полезность.

Соответственно, правопорядок, если его целью является максимизация социальной полезности, должен предпринимать серьезные меры для недопущения лжи в суде.

Это как с серебряными ложечками.

С точки зрения экономиста, рациональный экономический агент может и должен воровать в гостях серебряные ложечки, коль скоро это не грозит серьезными неприятностями. Однако для целей максимизации совокупной общественной полезности допускать подобного поведения не следует. Поэтому обществу имеет смысл наложить запрет на кражу серебряных ложечек и поддерживать его всеми доступными средствами, включая как право, так и мораль.

В связи с этими очевидными соображениями развитые правовые системы имеют мощные средства для недопущения лжи в суде. Рассмотрим их на примере англо-американского права.

Наиболее прямым методом противодействия лжи в суде является уголовная ответственность за ложные свидетельские показания. Однако этим дело не ограничивается. Ведь доказать умысел на лжесвидетельство по уголовному стандарту доказывания бывает очень нелегко (есть шанс, что человек просто ошибся).

Поэтому англо-американское право предлагает целый спектр более тонких инструментов, позволяющих предотвратить ложь в суде или снизить ее негативное влияние на исход дела. Прежде всего следует упомянуть разного рода процессуальные техники, позволяющие изобличить лжеца, а также процессуальные санкции за воспрепятствование правосудию.

Кроме того, возможна деликтная ответственность лжеца за обман или недобросовестное судебное преследование (заметим, что в гражданском процессе стандарт доказывания ниже, чем в уголовном).

Что касается юристов, за сознательную помощь стороне, пытающейся обмануть суд, они могут понести ответственность по профессиональной линии, вплоть до лишения статуса. Возможна также деликтная ответственность юриста перед пострадавшей стороной (а в особо тяжелых случаях – и уголовная).

Рассмотрим все эти приемы поочередно.

Уголовная ответственность

Прежде всего следует упомянуть об уголовной ответственности за лжесвидетельство. Свидетели (каковыми считаются и стороны, и эксперты) дают показания о фактах дела под присягой.

Изначально считалось, что нарушивший клятву на Библии будет гореть в аду, что само по себе является достаточным наказанием. Однако к концу XV века в Англии суды стали наказывать за лжесвидетельство. Сперва речь шла о денежном штрафе, но в XVII веке лжесвидетельство было признано преступлением по общему праву (*common law offence*).

В настоящее время в большинстве юрисдикций лжесвидетельство является преступлением по статутному праву (*statutory offence*). В Англии максимальное наказание равно семи годам заключения,¹ по федеральному законодательству США – пяти годам.² Однако в некоторых штатах (Калифорния) за лжесвидетельство предусмотрена смертная казнь. Правда, лишь в тех случаях, если лжесвидетельство привело к смертной казни несправедливо обвиненного.³

Для привлечения к ответственности за лжесвидетельство надо доказать не только преступный умысел (*mens rea*) обвиняемого, но и существенность данной лжи для соответствующего процесса (*materiality*).

Помимо лжесвидетельства, возможно привлечение лжеца к ответственности и по другим уголовным составам. Так, за ложь суду (в том числе за фабрикацию доказательств) сторона может быть обвинена в воспрепятствовании правосудию (*obstruction of justice*). За ложь процессуальному оппоненту (например, чтобы добиться выгодного внесудебного соглашения) за пределами зала судебных заседаний также может наступить уголовная ответственность – за мошенничество (*criminal fraud*). Юрист при наличии оснований может быть привлечен к уголовной ответственности за соучастие в преступлении.

Как уже говорилось, доказать преступный умысел обычно бывает довольно затруднительно, но это не является невозможным (примеры есть, один из них будет приведен ниже).

Процессуальные методы

Раскрытие доказательств. Говоря о процессуальных приемах борьбы с лжецами, прежде всего следует отметить, что и в Англии, и (в еще большей степени) в США действует мощная система досудебного раскрытия доказательств (*disclosure/discovery*),⁴ которая делает ложь в суде не только опасной, но и во многом бессмысленной.

В ходе досудебного раскрытия информации стороны предоставляют друг другу необходимую информацию и документы. Отказ от раскрытия доказательств влечет серьезные процессуальные санкции, предоставление фальшивых документов или информации – уголовную ответственность. Свидетели и стороны дают досудебные показания (*deposition*) под присягой, то есть несут уголовную ответственность за лжесвидетельство.

Отмечу, что в Англии, в отличие от США, в настоящее время стороны по умолчанию обязаны совершенно самостоятельно, то есть даже без запроса оппонента, отыскать в своих архивах и представить оппоненту все имеющие отношение к делу доказательства. Сюда относятся как документы, свидетельствующие в пользу самой стороны, так и

¹ Perjury Act 1911. Sec. 1(1).

² 18 U.S. Code § 1621.

³ California Penal Code. § 128.

⁴ См.: Будылин С.Л. Рентгеновский луч права. Раскрытие доказательств в России и за рубежом // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 7. С. 56-97.

документы, свидетельствующие в пользу оппонента. Нарушение этого правила может повлечь процессуальные санкции, а в отношении юристов стороны – санкции по профессиональной линии (о чем чуть ниже).

В результате факты дела чаще всего становятся полностью ясны обеим сторонам из доказательств, собранных еще до суда. Тогда спор на фактах на этом и исчерпывается. В настоящее время в федеральной судебной системе США 99% дел не доходит до стадии оценки доказательств (trial), а разрешаются на ранней стадии (summary judgment, default judgment, settlement).

Соответственно, в таких случаях у стороны просто технически не возникает возможности дать ложные показания непосредственно суду.

Перекрестный допрос. Далее, в англо-американском процессуальном праве есть необычайно эффективный инструмент, позволяющий изобличить лжеца.

Любопытно, что в старину показания сторон, а также любых заинтересованных лиц, вообще считались в Англии недопустимым доказательством в процессе. Предполагалось, что как минимум одна из сторон спора наверняка будет лгать под присягой, чем обречет на вечные муки свою душу. Однако в районе 1800 года все изменилось: был изобретен перекрестный допрос (cross examination)!

Оказалось, что опытному адвокату обычно не составляет труда уличить лжеца в ходе перекрестного допроса, причем так, что недостоверность его слов станет очевидна присяжным. При этом свидетель не может отказаться отвечать на неудобные вопросы на перекрестном допросе: это было бы неуважением к суду, за что возможны процессуальные санкции вплоть до тюремного заключения. Единственное исключение – когда правдивый ответ мог бы послужить причиной уголовного преследования свидетеля (в Англии «право на молчание» обвиняемого известно общему праву с XVII века; в США оно закреплено Пятой поправкой к Конституции США).

По словам одного восторженного американского автора XIX века, перекрестный допрос – это «самая совершенная и эффективная система для разоблачения лжи, когда-либо созданная изобретательностью смертных».⁵

Перекрестный допрос по-прежнему играет важнейшую роль в англо-американском процессе, особенно в таких делах, где суд должен разрешить спор «слово против слова».

Ведь если показания даны под присягой, это вовсе не значит, что судья или присяжные обязаны их принять за чистую монету. Необходимо оценить, насколько следует доверять данному свидетелю (о чем присяжные подробно инструктируются). В Англии факты в гражданско-правовых спорах обычно устанавливаются судьями, а не присяжными, так что важное место в решениях суда первой инстанции часто занимает всесторонняя оценка правдивости свидетелей.

Процессуальные санкции. Помимо того, что лжецу в процессе, скорее всего, не поверят, он может попасть под процессуальные санкции за неуважение к суду (contempt). Суд может наложить на лжеца немалый штраф или даже заключить его в тюрьму. Для установления факта сообщения стороной ложных сведений, то есть неуважения к суду, может проводиться отдельное слушание.

Это относится не только к сведениям, непосредственно относящимся к предмету спора (например, истребуемым в ходе раскрытия информации), но и к разного рода вспомогательным сведениям. Если, например, английский суд в качестве обеспечительной меры приказал ответчику раскрыть информацию обо всех своих

⁵ Цитируется по: Langbein J.H. Historical Foundations of the Law of Evidence: A View from the Ryder Sources // Columbia Law Review. 1996. Vol. 96. P. 1168-1202, 1200.

офшорных компаниях, а тот в ответ виляет и изворачивается или явно врет, то суд может оштрафовать его или посадить в тюрьму.

А в качестве «высшей меры» за процессуальную недобросовестность суд может просто автоматически разрешить дело против недобросовестной стороны без дальнейшего рассмотрения спора по существу!

Взыскание судебных расходов. Здесь же упомянем еще одну карательную меру, известную американскому праву: взыскание судебных расходов.

В США, в отличие от Англии, проигравшая сторона по общему правилу не возмещает выигравшей стороне ее судебных расходов: каждая сторона несет свои расходы самостоятельно. Однако в качестве наказания за процессуальную недобросовестность, в том числе за подачу явно необоснованного иска, рассчитанного лишь на причинение неприятностей оппоненту, судья может все же взыскать с недобросовестной стороны судебные расходы оппонента. В крупных исках такие расходы могут достигать весьма значительных величин.

Деликтная ответственность

Обычно суды предпочитают бороться с процессуальной недобросовестностью процессуальными же методами, но в тяжелых случаях на помощь жертве недобросовестной стороны может придти деликтное право.

За сообщение в ходе судебного процесса недостоверных сведений стороне может быть предъявлен деликтный иск. Так, за сообщение стороной или ее юристом ложных сведений своему процессуальному оппоненту (например, для заключения выгодного мирового соглашения) может быть предъявлен иск об обмане (fraudulent misrepresentation).

Но более типична другая ситуация, когда истец не делает явно ложных утверждений, что чревато в том числе и уголовной ответственностью, однако строит свой иск на предположениях, которые, как ему известно, наверняка не соответствуют действительности.

Например, потребитель порой предъявляет иск богатой компании-производителю товара, не имея сколько-нибудь веских доказательств нарушения, а просто рассчитывая на скромные отступные (возможно, компания не захочет тратить деньги на дорогостоящий судебный процесс!).

Есть ли защита от такого рода процессуальной недобросовестности?

Англо-американскому праву известен деликт «злонамеренное судебное преследование» (malicious prosecution). Речь идет о сознательном иницировании или продолжении судебного преследования, не имеющего «правдоподобного основания» (probable cause). Злонамеренное судебное преследование может быть как уголовным, так и гражданско-правовым. Для того, чтобы появилась возможность предъявления деликтного иска, прежде всего исходное дело должно быть разрешено судом в пользу жертвы злонамеренного преследования.

Ответчиками в таком деликтном иске могут быть, в частности, заявитель в уголовном деле, истец в гражданском споре, а также их адвокаты, знавшие о необоснованности предъявлявшихся их клиентами претензий. В некоторых странах (Канада) по этому деликту можно привлечь к ответственности даже государственного обвинителя.⁶

«Отсутствие правдоподобного основания» может состоять как в фантастичности правовой теории, положенной в основу иска, так и в явной неправдоподобности обстоятельств,

⁶ См.: Miazga v Kvello Estate, 2009 SCC 51.

которые пытается доказать истец. Еще раз подчеркну, что недобросовестный истец (или его адвокат) при этом не обязательно лжет в прямом смысле слова: злонамеренное судебное преследование может, но не обязано сопровождаться лжесвидетельством со стороны злодея.

Традиционно в делах, связанных со злонамеренными исками, взыскивались лишь убытки, напрямую связанные с процессом, такие как ущерб, причиненный обеспечительными мерами. Но в настоящее время в некоторых штатах приняты писанные законы, позволяющие взыскивать и другие виды убытков, такие как эмоциональный ущерб (аналог нашего морального вреда). Возможно также взыскание со злонамеренного истца судебных расходов выигравшего дело ответчика.

В деликтных исках возможно взыскание не только компенсаторных, но и штрафных убытков, предназначенных для наказания ответчика за особо возмутительно нарушителя. В США суммы штрафных убытков достигают порой астрономических величин. Так что подача заведомо ложного иска может оказаться разорительной как для злонамеренного истца, так иногда и для его адвоката.

Профессиональная ответственность юристов

Распространяется ли запрет лгать суду на юристов? Конечно, да.

Однако стоит заметить, что юристу факты дела известны, как правило, лишь со слов клиента. Он не обязан проводить независимое расследование достоверности этих фактов, а должен лишь добросовестно поддерживать позицию своего клиента.

В процессе юрист не дает показаний о фактах дела: это делают свидетели, а он только задает им вопросы. Если суду предоставляются документальные доказательства, их происхождение и аутентичность также подтверждаются показаниями свидетелей (либо устными, либо в виде аффидевита, сопровождающего копию документа). Так что совершить лжесвидетельство юристу стороны обычно просто не представляется возможным.

Вместе с тем юристу может быть известно – например, со слов самого же клиента, – что иск клиента основан на ложных утверждениях. Однако судья не может спросить юриста о содержании его разговоров с клиентом. Информация о переговорах клиента и адвоката по поводу введущегося адвокатом дела является конфиденциальной (*privileged*), и эта конфиденциальность может быть снята лишь в строго определенных ситуациях (например, когда клиент сам ссылается на содержание разговора с адвокатом в подтверждение своей позиции).

Как же добиться того, чтобы юристы не поддерживали лжецов? Для этой цели существуют правила профессиональной ответственности юристов.

Эти правила известны также под традиционным названием правил «юридической этики» (*legal ethics rules*). Но по сути своей они являются не этическими, а правовыми нормами: ведь они поддерживаются правовыми санкциями (вплоть до лишения статуса). В связи с этим сегодня они обычно называются «кодексами профессионального поведения» или «правилами профессиональной ответственности».

Так, в Англии Кодекс поведения солиситоров (*Solicitors' Code of Conduct 2011*) принят специальным регуляторным органом (*Solicitors Regulation Authority*). В США каждый штат имеет свои правила, принимаемые либо законодательным органом штата, либо высшим судом штата. Большинство таких кодексов основано на Модельных правилах профессионального поведения (*Model Rules of Professional Conduct*), разрабатываемых Американской ассоциацией юристов (*American Bar Association*).

В правила профессиональной ответственности заложена идея, что юрист, помимо того, что он обязан всеми силами помогать клиенту, является еще и «должностным лицом суда» (officer of the court), который обязан заботиться о надлежащем отправлении правосудия.

Согласно этим правилам, юристы вообще никогда не должны лгать, во всяком случае, в профессиональном контексте. За любую сколько-нибудь серьезную ложь, даже вне суда, могут последовать санкции по профессиональной линии. В частности, юрист не должен лгать даже процессуальным оппонентам (хотя, подчеркну, и не обязан добровольно раскрывать им невыгодные для его клиента факты).

И уж тем более нельзя врать суду! Запрет включает не только прямую ложь, но и любую попытку ввести суд в заблуждение. В частности, юрист не должен подавать в суд иск, зная о недостоверности лежащих в его основе фактов или о поддельности доказательств.

Так, в упомянутых американских Модельных правилах профессионального поведения есть правило 3.3 «Честность по отношению к суду», которая запрещает юристу сознательно (knowingly) сообщать суду ложные утверждения о фактах, а также сознательно представлять суду доказательства, о которых юрист знает, что они фальшивые. Мало того, юрист должен рассказать суду о тех нормах закона и прецедентах, которые противоречат позиции его клиента, если этого по какой-то причине не сделали процессуальные оппоненты! Если же юрист видит, что его клиент готовится совершить обман (fraudulent conduct), юрист должен принять разумные меры по противодействию этому. При необходимости он должен раскрыть обман суду.

В США санкции за нарушение правил налагаются обычно специальными комиссиями, а их решения могут затем утверждаться или обжаловаться в суде. Санкции варьируются от простого публичного порицания (admonition) до лишения статуса юриста (disbarment). В ряде штатов регулирование юридической профессии полностью находится в ведении судебной системы штата.

Следует также отметить, что за нарушение юристами правил профессионального поведения, в том числе за ложь или содействие лжи, суд может наложить процессуальные санкции на представляемую юристами сторону, вплоть до автоматического разрешения спора против этой стороны.

Судебная практика

В качестве иллюстрации к вышесказанному приведу несколько примеров из судебной практики Англии и США.

Berezovsky v Abramovich. В знаменитом деле «Березовский против Абрамовича»⁷ истец утверждал, что между сторонами был договор товарищества, а ответчик настаивал, что это были отношения «крышевания» (*krysha* type relationship). Сложилась ситуация «слово против слова», так как документально отношения не оформлялись. В итоге многомиллиардное дело было разрешено английским судом в пользу ответчика на основании лишь того, что, выслушав показания сторон, судья сочла истца не заслуживающим доверия.

Судья Элизабет Глостер пишет: «Проанализировав все материалы дела, я пришла к выводу, что господин Березовский является ненадежным свидетелем, считающим истину гибкой и переменчивой концепцией, которую можно менять в зависимости от своих сиюминутных целей». Напротив, ответчик произвел на судью вполне благоприятное впечатление. «Господин Абрамович давал точные и продуманные ответы, которые фокусировались на конкретных вопросах, которые были ему заданы», - отмечает судья (2012 г.).

⁷ Berezovsky v Abramovich (Rev 1) [2012] EWHC 2463 (Comm) (31 August 2012).

Помимо прочего, истцу пришлось в соответствии с английскими правилами возмещать судебные расходы ответчика (с учетом гонораров лучших английских адвокатов – десятки миллионов фунтов), что в конечном счете привело истца к полному разорению.

BTA Bank v Ablyazov. В иске «БТА Банк против Аблязова»⁸ казахский банк обвинял своего бывшего руководителя, сбежавшего в Англию, в многомиллиардном выводе активов.

Английский суд приказал банкиру раскрыть информацию обо всех своих офшорах. Банкир раскрыл информацию только о некоторых, а в отношении многих других активов отрицал, что имеет к ним отношение. Однако в ходе раскрытия доказательств адвокаты истца получили доступ к электронной переписке помощников ответчика, из которой стало ясно, что ответчик говорил неправду.

Суд установил (в гражданском процессе, но по уголовному стандарту доказывания), что ответчик намеренно лгал с целью воспрепятствовать правосудию, а, следовательно, виновен в неуважении к суду.

Как говорится в одном из судебных актов по делу, «трудно представить сторону коммерческого судебного спора, которая бы действовала с бóльшим цинизмом, оппортунизмом и непорядочностью по отношению к судебным приказам, чем г-н Аблязов».⁹

За неуважение к суду судья назначил банкиру наказание в размере 22 месяцев тюрьмы. Однако тот скрылся во Франции. Тогда суд автоматически удовлетворил многомиллиардный иск против банкира без дальнейшего разбирательства (2013 г.).

Fuhrman case. Марк Фурман служил полицейским детективом в Лос-Анджелесе. Он был ключевым свидетелем обвинения в деле знаменитого футболиста и актера О.Дж. Симпсона, обвиненного в жестоком убийстве своей бывшей жены и ее друга. Именно Фурман обнаружил и представлял суду важнейшие доказательства (окровавленная перчатка и т.п.).

Защита заподозрила Фурмана в фабрикации улики из расистских побуждений. Детектив на перекрестном допросе показал под присягой, что он не использовал слово «ниггер» уже десять лет. Однако он отказался отвечать на вопрос, фабриковал ли он доказательства, сославшись на конституционное право не свидетельствовать против себя. Между тем защите удалось доказать, что детектив солгал: он нелестно отзывался о «ниггерах» не позднее, чем 8 лет назад (помимо свидетельских показаний, защита представила присяжным аудиозапись интервью с Фурманом).

В итоге присяжные оправдали Симпсона (1995 г.). Фурмана же через год осудили за лжесвидетельство. Он признал себя виновным и получил три года условно и штраф в 200 долларов.¹⁰

Brown v. Halpern. В ходе семейной разборки из-за денег одна сестра предъявила иск другой сестре и ее мужу (юристу из Колорадо) в суде Пенсильвании.

Истица обвиняла ответчиков их в ненадлежащем управлении активами семейного траста, а заодно едва ли не во всех смертных грехах, включая шантаж, вымогательство, диффамацию, похищение человека и даже супружескую неверность. Однако через пять лет разбирательств суд, несмотря на все старания истицы и ее адвоката, отклонил иск без

⁸ JSC BTA Bank v Ablyazov & Ors [2013] EWHC 510 (Comm) (19 March 2013).

⁹ JSC BTA Bank v Ablyazov [2012] EWCA Civ 1411 (06 November 2012).

¹⁰ *Haynes V.D.* Fuhrman Bargains Out Of Jail Time // Chicago Tribune. 03.10.1996 .

<http://articles.chicagotribune.com/1996-10-03/news/9610030184_1_detective-mark-fuhrman-mr-fuhrman-simpson-civil-trial>.

исследования доказательств (очевидно, сколько-нибудь серьезных доказательств нарушений так и не было предъявлено).

Тогда колорадский юрист (он к тому времени развелся с женой) предъявил иск бывшей свояченице и ее адвокату о злонамеренном судебном преследовании. Он заявил, что как раз собирался открыть собственную практику, а обвинения в ненадлежащем управлении активами траста пагубно отразились на его репутации. Кроме того, он испытал эмоциональное расстройство от незаслуженных обвинений. Писанный закон Пенсильвании допускает возможность взыскания такого рода ущерба.

Ответчица в качестве защиты выдвинула аргумент, что она действовала, добросовестно полагаясь на юридическую консультацию своего адвоката, а потому не знала о том, что иск неоснователен. Адвокат в свою защиту заявил, что он действовал, добросовестно полагаясь на факты, заявленные клиенткой, а потому не знал о неосновательности иска. Однако эта система аргументации привела к тому, что ответчики лишились права ссылаться на конфиденциальность переговоров и переписки между адвокатом и его клиентом.

Рассмотрев все представленные сторонами доказательства, включая и лишенную защиты корреспонденцию ответчиков, присяжные пришли к выводу, что ответчики действительно неправоммерно использовали систему правосудия, предъявив заведомо неосновательный иск. В итоге присяжные присудили колорадскому юристу 250 тыс. долларов, из которых 35% должна заплатить свояченица, а 65% - ее адвокат. Однако помимо этого присяжные назначили еще и штрафные убытки: 300 тыс. со свояченицы и 1,75 млн. с адвоката (2016 г.).

Несчастный адвокат свояченицы, с которого взыскали без малого два миллиона за защиту интересов недобросовестной клиентки, надеется признать неконституционным применение закона об ответственности за злонамеренный иск к адвокатам. По Конституции штата деятельность юристов регулируется судами, а не законодателем, то есть, по мысли адвоката, в отношении него возможна лишь дисциплинарная, но не деликтная ответственность. Видимо, адвокат надеется, что дисциплинарная комиссия окажется к нему более благосклонна, чем разгневанные присяжные.

Вопрос в настоящее время находится на рассмотрении в Верховном Суде Пенсильвании.¹¹

Заключение

Конечно, нельзя сказать, что в английском или американском суде никогда не лгут. И сами стороны, и их свидетели, и юристы нередко бывают склонны к натяжкам, искажениям или даже прямому вранью. Что касается юристов, американцы, например, обожают анекдоты о лживых и недобросовестных лойерах. Однако в действительности не все так плохо, как в анекдотах.

В Англии и Америке с ложью в суде ведется серьезная борьба, причем невзирая на лица. Лгать в суде не допускается ни полицейским, ни аристократам, ни миллионерам, ни политикам. Даже действующий (на тот момент) президент США Билл Клинтон подвергся чувствительной «публичной порке» за ложь в суде и едва не лишился за это своего поста, а впоследствии был на пять лет лишен лицензии адвоката.

Так что прямая ложь в английских и американских судах, в отличие от судов некоторых других юрисдикций, – скорее исключение, чем правило. Скорее можно говорить об «оттенках серого»,¹² что уже сравнительно неплохо.

¹¹ См.: *Weiss D.C. Lawyer is ordered to pay \$1.75M in punitive damages for alleged meritless suit* // ABA Journal. 06.10.2016.

http://www.abajournal.com/news/article/lawyer_is_ordered_to_pay_1.75m_in_punitive_damages_for_alleged_meritless_suit/.

Закончу цитатой из американского дела *Schaffer*. Судья Апелляционного Суда США по Четвертому округу Пол Нимайер высказался на интересующую нас тему следующим образом.

«Наша состязательная система разрешения споров зиждется непоколебимом основании: на том, что правда – это цель процесса отправления правосудия. Однако поскольку никто не имеет исключительного знания правды, процесс зависит от состязательного представления доказательств, прецедентов ... и аргументов Даже малейшее допущение обмана или недостатка честности ... быстро разрушает действенность процесса. ...

Пусть никто и не отрицает эти общие соображения об очевидном, важно еще раз подчеркнуть ..., что юристы, которые выступают в роли «должностных лиц суда» (officers of the court), выполняют важнейшую задачу обеспечения целостности процесса [отправления правосудия]. Каждый юрист, несомненно, имеет по отношению к клиенту важную обязанность сохранять конфиденциальность и, конечно, должен решительно защищать позицию своего клиента, но только если клиент добивается правды. Система не может допускать хитрых приемов, направленных на то, чтобы сбить с толку расследование, чтобы ввести в заблуждение юриста оппонента или суд, либо чтобы скрыть нечто необходимое для конечного достижения справедливости.»¹³

¹² См., например: *Doyle T.* Comment in the blog “How often do lawyers lie in court?”. 30.10.2013. [?] <<https://www.quora.com/How-often-do-lawyers-lie-in-court>>. (“Most of my opponents are people that I’d characterize as honest (people I’d vouch for without hesitation) or reasonably honest, i.e., people who might tell me a tall tale to try to get out of a scheduled hearing or deposition, but who would never alter evidence or intentionally misstate the holding in a case. If I make an oral agreement with such lawyers, I can trust that it will be honored. On the other end of the scale, there are also some lawyers, who, whether due to dishonesty or bad memories, require everything to be put in writing. I’d say those lawyers are slippery, but I can usually work with them. ... Most of us work in shades of gray.”)

¹³ *U.S. v. Schaffer Equipment Co.*, 11 F.3d 450, 457-458 (4th Cir. 1993).